

Полемика**НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ И
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
КАМПАНИИ****Екатерина Степанова**

Год от года объем ввозимых в Россию наркотиков – как для продажи в самой России, так и с целью транзита в другие страны – растет, а их качественный состав устойчиво меняется в сторону наиболее опасных препаратов¹. Большая часть нелегально ввозимых на территорию России наркотиков поступает через страны Центральной Азии², причем основной их поток имеет афганское происхождение (до 99% всего героина, изъятого в России за 2001 г., произведено из афганского сырья).

Как в России, так и на Западе распространено мнение о том, что на протяжении последнего десятилетия именно производство и торговля наркотиками стали для Афганистана наиболее прибыльной отраслью экономики и, в частности, обеспечили основной источник дохода режиму талибов. Однако производство наркотиков в Афганистане и их незаконный оборот – это лишь один из аспектов более глубокой проблемы, связанной с региональной теневой экономической системой, которая сформировалась в последние десятилетия XX века, охватила страны Среднего Востока и оказала значительное влияние на центральноазиатские государства.

Афганистан: производство и торговля наркотиками

Значение производства и незаконного оборота наркотиков в афганском конфликте трудно переоценить. С конца 1970-х гг. центральное правительство в Кабуле стало терять даже относительный контроль над ситуацией в сельских районах, начался упадок сельского хозяйства, а производство продуктов питания в последующее десятилетие упало наполовину (в некоторых районах – на две трети). Зависимость растущего городского населения от государственной поддержки, а обеих противоборствующих сторон – от финансовых вливаний и поставок оружия из-за рубежа привели к быстрой монетизации экономики и росту денежной массы, что в свою очередь усилило стимулы к переходу к тем видам экономической активности, которые могли быстро принести денежный доход. К началу 1980-х гг. моджахеды стали использовать

производство и торговлю опиумом для частичного финансирования закупок оружия. Запрет или ограничения на производство опиума, установленные на тот период в трех основных странах-производителях (Турция, Иран и Пакистан), объективно сделали Афганистан основным альтернативным источником этого нелегального сырья. На момент вывода советских войск (февраль 1989 г.) Афганистан уже производил около 1200 тонн опиума в год (около трети мирового производства). Дополнительной причиной увеличения производства опиума стало возвращение в страну в конце 1980-х – начале 1990-х гг. миллионов беженцев, для которых наиболее эффективным способом выживания в условиях острого кризиса в сельском хозяйстве стало выращивание опиумного мака.

Опиумный мак можно выращивать на большей части территории Афганистана, а в некоторых районах (прежде всего в Гильменде³ и Нангархаре) собирают самые высокие урожаи в мире. Культивирование опиумного мака здесь почти в 30 раз более прибыльно, чем выращивание пшеницы, и в 40 раз – чем хлопководство. Поэтому неудивительно, что именно производство и торговля опиумом стали важнейшим источником роста денежных доходов. Кроме того, привлекательность выращивания опиумного мака в качестве стратегии экономического выживания для многих семей связана с тем, что цены на опиум относительно стабильны, а запасы высушенного мака используются как форма сбережений и источник кредита⁴.

В итоге в 1990-е гг. Афганистан стал ведущим производителем опиума в мире: в 1986–2000 гг. средний темп роста производства опиума в Афганистане составил 23% в год. В рекордном 1999 г. в Афганистане было произведено 79% нелегального опиума в мире. Хотя в 2000 г. эта доля сократилась, она все-таки была велика: около 70%. К концу 1990-х гг. в выращивании, производстве и торговле опиумом было занято от трети до половины населения Афганистана⁵. От 30 до 50% афганского опиума остается в странах Среднего Востока – особенно в Пакистане и Иране. В этом регионе

помимо традиционного курения опия наблюдается резкое возрастание потребителей героина: общее их число в Пакистане (1–1,5 млн) и Иране (1,5–1,8 млн) приблизительно такое же, как во всей Западной Европе⁶. Кроме того, Афганистан остается главным поставщиком опия, морфина и героина для Индии, центральноазиатских стран, ряда стран Аравийского полуострова и Восточной Африки, а также героина для Европы (около 80% всего героина, поступающего в Европу, произведено на основе афганского опия). Основным направлением наркотрафика из Афганистана в Европу остается так называемый «балканский путь». Через Пакистан и Иран афганский опий и морфин попадают в Турцию (где перерабатываются в местных лабораториях), а затем через Балканы – на европейский рынок в виде низкокачественного героина – «коричневого сахара». Уже в Европе часть героина иногда перерабатывается, после чего он становится близким по качеству к героину, поступающему из Юго-Восточной Азии. В последнее время также возросло значение северного, так называемого «шелкового пути», проходящего через центральноазиатские страны, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Важно подчеркнуть, что основы региональной теневой экономики, частью которой является производство и незаконный оборот наркотиков, сложились в Афганистане еще до появления и прихода к власти движения «Талибан». После окончательного вывода с территории страны советских войск (1989 г.) внешняя «подпитка» вооруженных формирований резко сократилась, центральная власть, имевшая хотя бы некоторую эффективность, перестала существовать, а кланово-племенная раздробленность достигла своего апогея. Адаптация различных групп населения к этим тяжелым условиям сводилась в основном к бандитизму полевых командиров и возглавляемых ими вооруженных формирований, росту объемов транзитной контрабандной торговли и производству опия крестьянами.

Вопреки распространенному мнению до недавних пор основным и наиболее прибыльным элементом региональной теневой экономики был не наркобизнес, а именно *транзитная контрабандная торговля*, охватывающая помимо Афганистана зону свободной торговли в Дубаи (ОАЭ), а также Пакистан и Иран и распространяющая свое влияние и на центральноазиатские государства.

Один из основных видов контрабандной торговли в масштабах региона представлял собой нелегальные поставки товаров, беспощинно закупаемых афганскими и пакистанскими торговцами в Дубаи для последующего транзита через Афганистан в Пакистан, а также нефтепродуктов из Ирана, на внутреннем рынке которого цены на них чрезвычайно низки. На территории Афганистана этот нелегальный транзит пересекался и сливался с другим торговым потоком – контрабандным реимпортом товаров из Афганистана в Пакистан (действующее еще с середины 1960-х гг. афгано-пакистанское Соглашение о транзитной торговле, в соответствии с требованиями ООН, давало Афганистану как стране, не имеющей выхода к морю, право беспощинно ввозить более половины всех импортируемых товаров через пакистанский порт Карачи; с 1980-х гг., однако, эта торговля стала активно развиваться в обратном направлении и большинство ввозимых в Афганистан через Пакистан товаров затем нелегально реимпортировалось в Пакистан).

Наряду с Афганистаном особую роль в региональной теневой экономике играет Пакистан, где высокий уровень таможенных барьеров и налогообложения местных товаров является мощным стимулом к контрабандной торговле. Бандитизм полевых командиров в Афганистане в начале 1990-х гг. наносил ущерб торговле, блокировал доступ Пакистана к странам Центральной Азии и оказывал дестабилизирующее влияние на ситуацию в самом Пакистане. В этих условиях совместными усилиями пакистанских властей, корпораций афганских и пакистанских торговцев, а также ультраконсервативных афганских и пакистанских религиозных лидеров и училищ (медресе), проповедующих исламское течение деобанди, было создано движение «Талибан». Показательно, что первой крупной военной операцией талибов в октябре 1994 г. стало именно освобождение пакистанского торгового конвоя, захваченного одной из группировок моджахедов по пути в Туркменистан. К 1998 г. талибам уже удалось установить контроль практически над всей основной транспортной инфраструктурой страны (дороги, города, аэропорты и таможни) и значительно ограничить локальный бандитизм на подконтрольных им территориях. Это способствовало снижению риска и транспортных издержек для торговцев и укрепило позицию Афганистана как центра региональной теневой экономики, основой

которой оставалась контрабандная транзитная торговля.

Обеспечиваемая талибами даже относительная безопасность на дорогах способствовала улучшению условий для торговли опиумом, что в свою очередь стимулировало его производство по всей территории Афганистана. Впрочем, хотя посевы опийного мака на территориях, контролируемых Северным альянсом во главе с Ахмад Шахом Масудом, постоянно расширялись, гораздо больший доход ему приносил экспорт драгоценных камней (изумрудов, лазуритов и т.п.) и печатание денег. На севере также несколько большее распространение получило производство гашиша и других наркотиков из конопли, например чарса⁷. В то же время в рекордном по урожайности 1999 г. около 97% опийного мака выращивалось на территориях, контролируемых талибами. Одной из причин достаточно мирного характера конкуренции в области производства и торговли наркотиками в Афганистане было то, что для самих афганцев эта сфера деятельности, вопреки распространенному мнению, не была сверхприбыльной.

Миф о колоссальных доходах талибов от наркобизнеса распространен на Западе, особенно в США, но не чужд и российской прессе. Между тем доходы афганцев, включая талибов, от производства и торговли наркотиками были довольно скромными (по данным авторитетной Международной кризисной группы, они составляли не более 1% всей конечной прибыли от продажи опиума, выращенного в Афганистане, и продуктов его последующей переработки)⁸. Доход талибов от опиума складывался из 10-процентного налога (ушр) на любую сельскохозяйственную продукцию (в том числе на опийный мак), собиравшегося непосредственно с крестьян, а также, по некоторым данным, из 20-процентного налога (закят) на торговлю опиумом и его производными, собиравшегося, однако, менее регулярно и не во всех областях. Доходы режима талибов от налогообложения производства и частично от местной торговли опиумом значительно, в отдельные годы – почти в три раза, уступали их доходам от региональной транзитной торговли. Так, по данным Всемирного банка за 1997 г., доход талибов от транзитной торговли, общий объем которой достиг 2,5 млрд долл., составил около 75 млн долл.⁹, тогда как налоги на опиум и торговлю им давали всего лишь 27 млн долл. (для сравнения: доход от наркобизнеса, получаемый только одной из левых

повстанческих группировок – ФАРК¹⁰ – в Колумбии, где США уже не один год ведут операции по борьбе с наркотиками, составляет от 500 млн до 600 млн долл. в год)¹¹. Доход талибов от опиума не превысил 45 млн долл. даже в рекордном 1999 году, когда производство опиума в Афганистане достигло пика – 4600 т, а его стоимость, при средней цене в 58 долл. за килограмм, составила около 251 млн долл. В 2000 г. урожай мака упал до 3–3,6 тыс. т, а его общая стоимость составила около 91 млн долл. – пропорционально (как минимум, в два с половиной раза) сократилась и сумма собранных талибами налогов¹².

Эти суммы не идут в сравнение со сверхприбылями, которые получают группы, занимающиеся транзитной и межрегиональной оптовой торговлей, и особенно контролирующие розничную продажу героина в странах-получателях, прежде всего в Европе. Афганские же торговцы опиумом обычно довозят свой товар до приграничной зоны, где происходит его переработка в морфин и героин и откуда трансграничные кланы уже везут его до следующей границы.

Производство героина путем переработки опийного мака и его последующая перепродажа значительно более прибыльны, чем культивирование мака или торговля опиумом-сырцом. Однако значительная часть опиума, производившегося в течение 1990-х гг. на востоке Афганистана, перерабатывалась в так называемой племенной зоне (формально являющейся частью Пакистана, но не контролируемой пакистанскими властями) под контролем влиятельных наркокланов, например клана Африды, базирующегося в Хайберском районе (управлении). В 1990-е гг. часть опиума, выращиваемого на юге Афганистана, подвергалась переработке (особенно первичной) и в местных лабораториях. Лаборатории по производству героина существовали и на севере, вдоль границ со странами Центральной Азии – на территориях, контролируемых Северным альянсом. Значительный объем афганского опиума перерабатывается также в Пакистане и Турции.

В этом контексте указ от 27 июля 2000 г. о запрете на выращивание опиума в Афганистане, изданный муллой Омаром во исполнение ряда предыдущих деклараций талибов по контролю за наркотиками, сделанных в период с 1996-го по 1999 г., не был чем-то из ряда вон выходящим. Как показал сезон 2000–2001 гг., запрет талибов на культивирование опийного мака оказался чрезвычайно эффективным на

контролируемых ими территориях. Площадь маковых посевов сократилась в 38 раз – с 64 510 га в 2000 г. до 1 685 га в 2001 г.¹³, – что меньше, чем площадь маковых посевов в Пакистане в 2001 г. (1 697 га)¹⁴. Соответственно, если в 2000 г. урожай мака в Афганистане составил, по разным данным, от 3 000 до 3 667 тонн, то урожай 2001 г. составил от 185 до 200 тонн (т.е. в 16–18 раз меньше, чем за предыдущий год), что сопоставимо с количеством опия, производимого в стране в середине 1980-х гг.¹⁵

Интересно, что в результате введенного талибами запрета предложение опия и морфина на рынках Западной Азии существенно уменьшилось, а предложение героина как в регионе, так и за его пределами оставалось неизменным¹⁶ (косвенное свидетельство того, что значительная часть производства героина из афганского опия талибами не контролировалась). Если учесть, что талибы регулярно собирали лишь 10-процентный налог с крестьян, выращивающих опиный мак, и испытывали большие трудности в налогообложении торговцев опиумом, то можно предположить, что регулярное налогообложение подпольных лабораторий по производству героина, особенно в приграничных зонах, было тем более затруднено. Таким образом, не получая крупных прибылей от переработки опия в героин, талибы в буквальном смысле слова могли *экономически* позволить себе кампанию по борьбе с производством героина (по некоторым данным, за 2000 г. ими было ликвидировано до 25 героиновых лабораторий¹⁷).

В целом, несмотря на эффективность запрета талибов на культивирование опиного мака, в 2001 г. Афганистан оставался в числе ведущих производителей опия в мире. Частично это связано с тем, что выращивание опиного мака на территориях, не контролируемых талибами, продолжалось: в 2001 г. на территориях, контролируемых оппозиционными талибам силами, где производство наркотиков не было запрещено, было засеяно 1 600 га опиного мака (для сравнения: на остальной территории – 85 га)¹⁸ и получено около 80% афганского опия. В 2001 г. основную часть прибыли от налогообложения производства опиного мака, общая стоимость урожая которого составила около 56 млн долл., получили уже не талибы, а Северный альянс. Вообще, если в 2000 и 2001 гг. доходы талибов от опия падали по сравнению с 1999 г., то за этот же период

(1999–2001 гг.) доходы Северного альянса от наркобизнеса выросли в три раза.

Другой причиной непрекращающегося потока наркотиков из Афганистана могли стать значительные запасы опия в стране. Точный размер этих запасов трудно определить: с одной стороны, существуют данные о том, что в отдельные годы до 60% всего выращиваемого опия складировалось для последующей продажи¹⁹; с другой стороны, по данным ООН на июль 2000 г., эти запасы составляли не более 220 тонн²⁰. Продолжительная засуха, значительные запасы опиного мака и затоваренность мирового рынка опиатами могли способствовать тому, что руководство талибов пошло на ограничение предложения за счет введения запрета на выращивание мака. Запрет привел к скачку цен на опий и его производные: по одним данным, от 30 долл. (урожай 2000 г.) до 300 долл. за килограмм (в мае 2001 г.)²¹, по другим – от 44 до 350–400 долл. в тот же период²² (в обоих случаях речь идет о десятикратном росте цен).

Рост цен, по идее, должен был создать более благоприятную конъюнктуру для распродажи накопившихся запасов. Однако такая ситуация продолжалась недолго: в начале сентября 2001 г. цена на опий достигала пика (в некоторых случаях – до 700 долл. за килограмм)²³, но после событий 11 сентября 2001 г. цены резко упали до 180 долл., а к концу сентября – до 90 долл. за килограмм²⁴. Таким образом, если вслед за рядом западных аналитиков предположить, что талибы рассчитывали крупно заработать на стимулировании роста цен на опий путем ограничения посевов мака, то придется признать, что теракты 11 сентября и их последствия серьезно подорвали эти расчеты. Отмечая существенное снижение предложения опия и морфина в результате введенного талибами запрета, эксперты ООН склонны связывать начавшийся после сентября 2001 г. выброс на рынок большого количества опиатов из имевшихся запасов именно с развернувшимися в Афганистане военными действиями²⁵.

После падения режима талибов ситуация в области контроля над наркотиками в Афганистане ухудшилась. В свое время талибы обеспечили, хотя и весьма варварскими методами, относительную безопасность на афганских дорогах и основных торговых путях и монополизировали контроль над ними, что

снизило издержки транзитной торговли. Однако та же самая задача пока не по силам нынешнему афганскому правительству, даже при поддержке иностранных миротворцев, численность которых пока невелика. После падения режима талибов условия безопасности на дорогах ухудшились, а многочисленные местные тарифы и таможенные барьеры восстановились из-за обретшей второе дыхание кланово-племенной раздробленности. Все это привело к тому, что контрабандная транзитная торговля стала гораздо менее прибыльной, чем при талибах. Необходимость компенсировать такие потери прибыли создает стимулы не только к росту производства опиийного мака, но и к увеличению масштабов его переработки в опиаты, в том числе в героин, на территории самого Афганистана.

Это отчасти объясняет, почему, несмотря на обострение обстановки в Афганистане вслед за общим обострением международной ситуации после терактов 11 сентября 2001 г., которое отвлекло силы талибов на противостояние внутренней оппозиции и внешнему вмешательству, а затем и привело к падению их режима, афганские крестьяне возобновили производство опиата с удвоенной силой, хотя цены на него упали. Особенно опасной тенденцией стал рост числа лабораторий по производству героина в самом Афганистане (о чем свидетельствуют участвовавшие случаи изъятия героина на ирано-афганской и таджикско-афганской границах, а также перехват поставок в Афганистан уксусного антигидрида – химического наркотического прекурсора), необходимого для производства героина). Декларация нового временного правительства страны во главе с Хамидом Карзаем о запрете на выращивание мака, принятая в январе 2002 г., не могла сказаться на урожае 2002 г. (к тому времени большинство полей было уже засеяно, а урожай опиата, по прогнозам ООН, может превысить 3 000 тонн).

Казалось бы, контртеррористическая операция США после сентября 2001 г. предоставляла международному сообществу шанс для активизации борьбы с наркотиками в регионе. Однако эти надежды не оправдались. По информации Федеральной пограничной службы РФ на апрель 2002 г., даже на контролируемой временным афганским правительством территории пока не уничтожено ни одного завода, фабрики или лаборатории по производству наркотиков, хотя карты опиийных полей существуют, а

координаты основных районов, где происходит переработка опиата, в том числе в героин, известны²⁶.

США, будучи лидером международной антитеррористической коалиции, не спешат, однако, вкладывать значительные средства и прилагать повышенные усилия для борьбы с наркотиками в Афганистане и в его окружении. Это объясняется рядом экономических факторов и политических соображений. Прежде всего, наркотики афганского происхождения мало угрожают самим США. По официальным данным, афганский героин составляет лишь около 5% от всего героина, импортируемого в США²⁷ (хотя некоторые исследователи, например М. Олкотт, настаивают на 10%)²⁸. Как отмечалось ранее, большая часть афганского героина потребляется в самом регионе и в Европе, однако страны Европейского союза ограничили свое участие в борьбе с незаконным оборотом наркотиков в регионе в основном финансированием через ООН соответствующих национальных программ перехвата наркотиков. В этих условиях максимум того, что можно ожидать от США в рамках общей программы восстановления Афганистана, – это участия в финансировании мероприятий по созданию альтернативных рабочих мест для афганцев, особенно в сфере строительства и ремонта базовой инфраструктуры и разминирования, а также в создании регионального плана развития сельского хозяйства и внедрения альтернативных сельскохозяйственных культур.

США оказывают финансовую помощь в осуществлении контроля за производством и незаконным оборотом наркотиков не только Афганистану, но и другим странам региона, прежде всего Пакистану (только в 2001 г. США на эти цели предоставили Пакистану в виде помощи 3,47 млн долл.)²⁹. Однако зачастую, а с началом антитеррористической кампании в Афганистане в особенности, для США политические соображения и интересы важнее необходимости борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Ярким примером этому стало внезапное освобождение из пакистанской тюрьмы в начале декабря 2001 г. Аюба Африди, главы наиболее влиятельного наркоклана, действующего в зоне афгано-пакистанской границы (с его помощью США намеревались заручиться поддержкой лидеров пуштунских полевых командиров на востоке Афганистана, одновременно являющихся крупнейшими торговцами опиумом, – Хаджи Абдула Кадира, Хаджи Мохаммеда Замана и Хазрата Али, в том числе для проведения

операции по захвату Усамы бен Ладена в горах Тора Бора)³⁰.

Ведущее место среди международных организаций в программе восстановления Афганистана принадлежит ООН. Комплексный подход ООН к противодействию незаконному обороту наркотиков в Афганистане и в регионе в целом основан на поощрении альтернативных сельскохозяйственных культур и создании возможностей легального заработка в несельскохозяйственном секторе с тем, чтобы обеспечить условия, при которых крестьяне могли бы отказаться от выращивания опиума. Тем не менее в 1990-е гг. ни один из трех проектов Управления ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности в Афганистане, в рамках которых меры по контролю над наркотиками сочетались с мероприятиями по восстановлению сельского хозяйства, не принесли видимых результатов. Ситуация не изменилась и после объявления международной кампании по восстановлению страны: хотя объем международной гуманитарной помощи к 2002 г. достиг 250 тыс. тонн (продуктов, медикаментов и т.п.) в Афганистан, например, продолжают везти в основном муку, а не семенной фонд, который позволил бы крестьянам в какой-то мере переключиться от культивирования опиоидного мака на выращивание других культур.

В целом, борьба с незаконным оборотом наркотиков полицейскими и другими силовыми и административными методами, безусловно, необходима, особенно в региональном масштабе. В этой связи особое упоминание заслуживает специальный региональный план действий по координации традиционных – полицейских, пограничных, таможенных – мер борьбы с наркотиками афганского происхождения, принятый в сентябре 2000 г. «Группой соседей и друзей Афганистана» (так называемой Группой «6+2») под эгидой ООН. Однако эффективное противостояние производству и незаконному обороту наркотиков в этом и других регионах возможно лишь при координации более масштабных усилий, направленных на выявление основ и движущих сил региональной теневой экономики и создание условий для альтернативного варианта социально-экономического развития.

Незаконный оборот наркотиков в Центральной Азии и основные проблемы борьбы с ним

Теневая экономическая активность, включающая незаконный оборот товаров,

оружия, наркотиков и т.п., стала не только наиболее распространенной стратегией выживания населения самого Афганистана, но и центром более широкой региональной теневой экономики и связанных с ней социально-политических структур, которые подрывают легальную экономику и формальные институты государственной власти в соседних и близлежащих странах, в том числе в государствах Центральной Азии.

Основные причины перемещения важнейших путей транспортировки наркотиков афганского происхождения в страны Центральной Азии (имеются в виду бывшие среднеазиатские республики в составе СССР) в постсоветский период можно условно подразделить на экономические и «технические». К первым следует отнести разрыв прежних экономических связей, резкий спад промышленного производства и падение уровня жизни населения, натурализацию экономики и уход значительной ее части в теневой сектор в странах Центральной Азии после распада СССР, и т.п. Основной «технической» причиной стала «прозрачность» границ бывших советских республик после вывода российских пограничных сил из всех стран региона, кроме Таджикистана, ввиду недостатка собственных ресурсов на обустройство и охрану границ. Трансграничную наркоторговлю облегчает и этнический фактор: как и в случае с афгано-пакистанской границей, по обеим сторонам которой живут пуштуны, по обе стороны границ Афганистана с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном живут таджики, узбеки, туркмены. Поэтому, например, правильнее говорить не столько об афганских наркоторговцах на таджикско-афганской границе, сколько о трансграничных таджикских кланах.

Традиционными транзитными коридорами для поставки афганских наркотиков на прибыльные европейские рынки были Иран и Пакистан. Однако с распадом СССР все большие масштабы стал приобретать транзит наркотиков через бывшие республики советской Средней Азии – как по путям, проторенным еще с досоветских времен, так и по новым маршрутам. В результате ко второй половине 1990-х гг. центральноазиатское направление (так называемый «шелковый путь») стало вторым по значению маршрутом наркотрафика из Афганистана наряду с более традиционными маршрутами «балканского пути». При этом «шелковый путь», в свою очередь, имеет две основные ветки. Первая идет из Афганистана

через одно из граничащих с ним центральноазиатских государств в Турцию (иногда через Закавказье), а далее по традиционному «балканскому пути», без пересечения российской территории. Вторая ветка идет через Центральную Азию в Россию, а оттуда через Прибалтику, Белоруссию, Украину в Восточную Европу. Поэтому если, по данным ООН, в конце 1990-х гг. через Центральную Азию экспортировалось более половины афганского опия, это не означает, что весь этот опий затем попадал на территорию России. Хотя вторая, российская ветка центральноазиатского маршрута и сохраняет значение транзитного пути в Западную и Центральную Европу, она все в большей степени ориентирована и на снабжение растущих рынков России и Восточной Европы.

В Центральной Азии производят и свои наркотики (в основном препараты на основе дикорастущих конопли и эфедры), однако опиный мак незаконно культивируется в небольших масштабах в отдаленных районах Казахстана, Киргизии и Таджикистана и не является «экспортной» отраслью. Поэтому Центральная Азия играет роль транзитного коридора прежде всего для нелегальных поставок опиатных наркотиков, особенно героина, из Афганистана и Пакистана (из препаратов конопли Афганистан в основном поставляет гашиш). Об увеличении транзита опиатов через Центральную Азию свидетельствует и значительный рост масштабов злоупотребления ими в странах этого региона³¹. Растущую роль центральноазиатского направления наркотрафика подчеркивают сообщения о росте числа лабораторий по переработке опия в героин вдоль границы Афганистана с центральноазиатскими государствами³². Хотя официально ООН не располагает данными, «которые свидетельствовали бы о переработке опия или морфина в героин в какой-либо из стран Центральной Азии», попытки крупномасштабных контрабандных перевозок опия из Пакистана и Афганистана в Таджикистан, зафиксированные в 2001 г., могут, по общему мнению экспертов ООН и российских пограничников, свидетельствовать о наличии в Таджикистане мощностей по переработке опия³³.

Основными пунктами хранения и транзита наркотиков по центральноазиатскому маршруту стали Таджикистан, Киргизия и Туркменистан. В этих же странах наркобизнес играет наиболее заметную роль в экономике, а

степень его срастания с коррумпированным государственным аппаратом наиболее высока.

Таджикистан, где, по оценкам представителей ООН, от 30 до 50% экономической деятельности в той или иной степени связано с незаконным оборотом наркотиков³⁴, стал главным перевалочным пунктом для поставок наркотиков афганского происхождения в Центральную Азию, особенно в годы гражданской войны (1992–1997). К 1997 г. основной маршрут транспортировки афганского опия и опиатов пролегал через Хорог (Горный Бадахшан) в Ош (Киргизия). Впоследствии значение хорогского пути снизилось и до 60% наркотиков стало поступать через Северный Афганистан до пограничной реки Пяндж (ряд сохранившихся дорог позволяет перевозить наркотики вплоть до Пянджа в грузовиках и фургонах). Большая часть наркотиков в Таджикистан поставлялись с территорий, контролируемых Северным альянсом. При этом Таджикистан остается по преимуществу транзитной страной: собственных наркотиков, по сравнению с Афганистаном, производится немного, а переработка развита недостаточно (хотя в Гармском и Тавильдаринском районах, контролируемых не вошедшими в правительственную коалицию оппозиционными группировками, возможно наличие подпольных лабораторий по производству опиатов).

В отличие от других стран Центральной Азии Киргизия традиционно была зоной культивирования опиного мака: в начале 1970-х гг. (до 1974 г., когда в Советском Союзе производство опиного мака было запрещено) в Киргизской ССР производилось около 16% легального мирового опия. Однако в настоящее время основную проблему представляет транзит наркотиков, поступающих прежде всего через территорию Таджикистана. Перевалочные пункты и склады в Киргизии созданы вдоль всего маршрута наркотрафика (крупнейшим центром складирования и торговли наркотиками стал Ошский район, где периодически изымаются крупные партии опия и других наркотиков)³⁵.

Транзит наркотиков из Афганистана в Иран (а также через Каспийское море на Кавказ, в Турцию и Россию) активно осуществляется и через Туркменистан. В то время как, например, таджикские наркокланы оперировали прежде всего на территориях, контролируемых Северным альянсом, большая часть транзита наркотиков в Туркменистан на протяжении второй половины 1990-х гг. осуществлялось с

территорий, контролируемых талибами, с которыми Ашхабад поддерживал полуофициальные контакты. В обратном направлении через территорию Туркменистана идет значительный объем химикатов, необходимых для переработки опийного мака в опиаты, в том числе для производства героина.

Хотя Узбекистан и граничит с Афганистаном, большая часть транзита афганских наркотиков через узбекскую территорию идет не напрямую, а через Таджикистан. За последнее время значение транзитных маршрутов через узбекскую территорию несколько снизилось, зато поток наркотиков, в том числе местных препаратов конопли и эфедры, в Россию через границу с Казахстаном (более 7,6 тыс. км) постоянно растет. В обратном направлении, из Узбекистана и Казахстана, а также через их территорию идут поставки химических наркопрепаратов (обе страны остаются легальными производителями уксусного антигидрида).

В соответствии со своими возможностями государства Центральной Азии принимают меры по борьбе с производством и незаконным оборотом наркотиков. Пока наибольшего прогресса они добились в создании формальных законодательных и административных механизмов в этой области (первый национальный закон о борьбе с наркотиками был принят Киргизией еще в апреле 1998 г.). Все страны Центральной Азии создали национальные органы по координации борьбы с незаконным оборотом наркотиками и все, кроме Таджикистана и Узбекистана, приняли комплексные национальные планы контроля над наркотиками (в июне 2001 г. такой план на ближайшие пять лет был принят в Туркменистане). Следует признать, однако, что даже в законодательной области государствам региона еще предстоит большая работа. Отсутствие надлежащего контроля над приватизацией и быстрым ростом частного банковского сектора сделало пять стран Центральной Азии особенно уязвимыми в отношении отмывания денег, а соответствующих законов о борьбе с отмыванием денег и конфискации доходов, полученных в результате преступной деятельности, в том числе связанной с незаконным оборотом наркотиков, пока не принято³⁶. То же касается и законов о прекурсорах, принятых или готовящихся к принятию во всех странах Центральной Азии. Хотя, например, в рамках международной операции «Топаз» (март 2001 г.) в регионе и был налажен более эффективный контроль за

уксусным антигидридом, в остальном, по оценке ООН, принятые законы о прекурсорах осуществляются слабо.

При этом пограничные службы и правоохранительные органы центральноазиатских государств не сидят сложа руки: объем наркотиков, изымаемых в странах Центральной Азии, в частности на таджикско-афганской границе, охраняемой совместно российскими и таджикскими пограничниками, год от года растет. По данным Федеральной пограничной службы РФ, ни начало, ни прекращение масштабных боевых действий в рамках контртеррористической операции на территории Афганистана не изменило к лучшему ситуацию с наркотрафиком на таджикско-афганской границе, где только в 2001 г. было конфисковано 5 440 кг наркотиков (из более чем 5 900 кг всех наркотиков, изъятых Федеральной пограничной службой). В 2002 г. за три месяца на таджикско-афганской границе было изъято 350 кг наркотиков (из них 310 кг составил героин)³⁷. В зонах ответственности Московского и Пянджского погранотрядов в начале 2002 г. героин составлял до 90% всех конфискованных наркотиков³⁸. Крайне сложным остается положение и на российско-казахской границе, полное обустройство которой для России на данном этапе – не только экономически неподъемная задача, но и политически это невыгодно, так как может вызвать отторжение как собственно Казахстана, так и его русскоязычного населения. В этих условиях Россией был сделан прагматичный выбор в пользу перехода на войсковую охрану границы с Казахстаном в сочетании с укреплением пограничного контроля на таджикско-афганской границе. В помощи по укреплению контроля на границе с Таджикистаном остро нуждается и Киргизия.

Однако, несмотря на рост объема изъятых наркотиков, он явно отстает от темпов роста наркопотоков, пересекающих границы стран Центральной Азии. По некоторым оценкам, количество наркотиков, ежегодно изымаемых как на таджикско-афганской границе, так и в самом Таджикистане, не превышает одной десятой всего объема наркотрафика³⁹, причем задерживаются в основном мелкие партии наркотиков. Помимо коррумпированности властей, в том числе правоохранительных органов и других силовых структур, такому положению дел способствует недостаточное межведомственное и межрегиональное сотрудничество по борьбе с наркотиками, а

также недостаток финансовых ресурсов, в частности международной помощи, на эти цели (так, неясность в вопросе с финансированием за счет ООН после 2002 г. фонда зарплаты для сотрудников Комитета по борьбе с наркотиками Республики Таджикистан не могла не сказаться на эффективности работы этого органа). Впрочем, тот факт, что, например, Иран перехватывает около 55% всех изымаемых наркотиков афганского происхождения (а все страны Центральной Азии – не более 15%)⁴⁰, может косвенно свидетельствовать либо о том, что соответствующие иранские государственные службы и органы работают более эффективно и менее коррумпированы по сравнению со своими центральноазиатскими коллегами, либо о том, что центральноазиатское направление пока не стало главным маршрутом нелегального транзита наркотиков из Афганистана.

В целом же неважная обустроенность и охрана границ центральноазиатских государств, наличие на территории стран региона, особенно в отдаленных районах, практически неконтролируемых государственной властью анклавов, низкая эффективность (в силу недостаточного финансирования и слабой подготовки) силовых структур, отсутствие на данном этапе условий для формирования действенного режима региональной безопасности и многие другие факторы свидетельствуют о том, что после распада СССР в Центральной Азии образовался определенный *вакуум безопасности*, который не может компенсировать ограниченное внешнее вмешательство в дела региона. Это явление можно считать вполне закономерным: недавно сформировавшимся государствам региона, переживающим последствия затяжного экономического кризиса и перехода к экономике с элементами рынка, на установление полного контроля за своей территорией, создание современного оборонного потенциала, эффективных административно-полицейских структур и жизнеспособной системы региональной безопасности и координации усилий в области борьбы с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и т.п. понадобится еще не один десяток лет. Наряду с плачевным состоянием экономики, бедственным положением населения и коррумпированностью государственного аппарата именно образовавшийся в регионе *вакуум безопасности* можно считать одной из основных причин переориентации части

наркопотоков из Афганистана и Пакистана в Центральную Азию.

Связь наркобизнеса с конфликтами, экстремизмом и терроризмом в регионе

В последнее время проблеме связи незаконного оборота наркотиков с сохраняющейся угрозой дестабилизации ситуации вокруг Афганистана (в том числе в Центральной Азии) и с экстремизмом и терроризмом уделяется повышенное политическое внимание как в самом регионе, так и за его пределами. Однако в условиях недостатка достоверной и объективной информации масштабы и характер такой взаимосвязи пока не вполне ясны и требуют отдельного рассмотрения, как, впрочем, и причины повышенного внимания к этой проблеме. Насколько оправданна постановка вопроса о прямой взаимосвязи незаконного оборота наркотиков с экстремизмом и терроризмом в Центральной Азии и в более широком регионе?

Привычка рассматривать терроризм в одном ряду с наркотрафиком глубоко укоренилась еще с послевоенного периода, когда терроризм традиционно рассматривался в одном ряду с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью как «угроза низшего порядка», или низкой интенсивности. При этом в годы холодной войны и особенно на ее исходе наркобизнес нередко становился одним из источников финансирования деятельности повстанческих и других негосударственных (оппозиционных) формирований и движений, в том числе международных экстремистских и террористических групп, часто не без помощи и поощрения со стороны государственных спецслужб (например, в рамках «тайных операций» по оказанию финансовой поддержки никарагуанским «контрас» и афганским моджахедам). Отрывочные данные о причастности государственных служб к незаконному обороту наркотиков как способу финансирования некоторых своих операций⁴¹ продолжали всплывать и в последнее десятилетие. Однако с ослаблением или прекращением в 1990-е гг. внешнего финансирования со стороны бывших противников по холодной войне многие повстанческие движения и экстремистские группировки вынуждены были перейти на полное самообеспечение, в том числе за счет налаживания более тесных контактов с дельцами наркобизнеса и более широкого, чем ранее, использования криминально-террористических методов (например, захвата

заложников с целью выкупа) для пополнения финансовых ресурсов.

Анализ наркобизнеса как источника нестабильности и конфликтов, особенно в прессе, страдает как минимум двумя серьезными недостатками.

Во-первых, пытаясь выявить дестабилизирующий потенциал производства и незаконного оборота наркотиков, его зачастую вырывают из общего контекста формирования и развития теневой экономики, забывая о том, что наркобизнес не только является ее важной частью, но и теснее всего взаимосвязан именно с различными ее элементами. Это справедливо как для конфликтных зон (о чем, в частности, свидетельствует пример Афганистана, подробно рассмотренный выше), так и для относительно или вполне стабильных государств (стран Центральной Азии и России). При этом даже в том, что касается, казалось бы, наиболее очевидной *связи незаконного оборота наркотиков с организованной преступностью*, зачастую переоценивается степень тяготения наркобизнеса к созданию крупных наркосиндикатов и наркокартелей. Как показывает пример той же Колумбии, наркобизнес процветает даже после разгрома крупнейших картелей («Медельин», «Кали»), приобретая менее централизованный и структурированный характер и функционируя в виде небольших, глубоко законспирированных групп (более крупные объединения все чаще формируются на временной, краткосрочной основе, что крайне затрудняет борьбу с ними). Сравнительно небольшие преступные группы, как правило, укрепленные этническими и семейно-клановыми связями, играют в незаконном обороте наркотиков более значительную роль, чем принято считать. Об этом, в частности, свидетельствует пример центральноазиатских стран и России, где пока не возникло крупных картелей-монополистов с иерархической организацией, контролирующей экономические операции на незаконном рынке оборота наркотиков⁴². Доминирование на российском рынке мелких и средних организованных преступных групп, чаще всего связанных этнической общностью и семейно-клановыми отношениями, позволяет особенно четко проследить *связь между наркобизнесом и нелегальной миграцией*: число центральноазиатских, кавказских и других наркогруппировок, формирующихся за счет оседающих на территории страны мигрантов –

выходцев из «горячих точек», притока сезонных бригад и торговцев сельскохозяйственной продукцией из транзитных и наркопроизводящих стран, постоянно растет.

Во-вторых, в том, что касается связи наркобизнеса (и теневой экономики в целом) с локально-региональной нестабильностью и конфликтами, нередко преобладает односторонний подход: наркобизнес рассматривается преимущественно как *источник* нестабильности. Между тем эта связь носит двусторонний характер: теневая экономика, включая наркобизнес, является не только источником, но и *следствием* нестабильности и конфликтов – как результат хаоса и беззакония, ослабления или отсутствия органов государственной власти, а также как наиболее эффективный экономический способ приспособления различных групп населения к конфликтным или нестабильным условиям. Так, десятилетия междоусобной войны в Афганистане сделали культивирование опия одним из средств выживания для афганских крестьян, а гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.) послужила питательной средой для расцвета торговли оружием и наркотиками. Вообще, обилие в 1990-е гг. конфликтных зон в рамках так называемой южной дуги нестабильности, включавшей конфликты в Таджикистане и Ферганской долине, в Афганистане и Кашмире, безусловно, способствовало формированию на Среднем Востоке обширной зоны теневой экономической активности, основанной на своеобразном региональном «разделении труда» и оказывающей свое влияние на страны Центральной Азии.

В плане влияния конфликтных условий на активизацию производства и незаконного оборота наркотиков особенно показательна и наиболее четко прослеживается *связь наркобизнеса с нелегальной торговлей оружием*. Часто именно необходимость финансировать криминальные группировки или экстремистские организации (например, моджахедов в Афганистане в 1980-е гг. или левых повстанцев в Колумбии по сей день) для закупки ими оружия становится одним из стимулов к росту объемов производства и незаконного оборота наркотиков; во всех конфликтных зонах, где наркобизнес является важной частью теневой экономики, распространен и «бартерный» обмен наркотиков на оружие и наоборот⁴³. Острую потребность в финансировании для закупок оружия, боеприпасов, подпольных баз,

лагерей и т.п. испытывают и те радикальные исламские группировки в Центральной Азии, которые ведут вооруженную борьбу и не гнушаются террористическими методами. В причастности к наркотрафику как одному из источников финансирования этих нужд обвиняют, в частности, боевиков Исламского движения Узбекистана во главе с Джумой Намангани⁴⁴ (предполагаемая гибель которого в Афганистане в ходе контртеррористической операции пока не доказана).

Однако при том, что наркобизнес легче осуществляется в условиях конфликта и общей нестабильности, его важной особенностью остается *относительная аполитичность* (о чем ярко свидетельствует пример Афганистана). В условиях конфликтной зоны наркокланов охотно идут на сотрудничество с противоборствующими сторонами, а в более стабильных условиях стремятся максимально обезопасить себя и свой бизнес за счет проникновения в государственные, в том числе силовые, структуры. И хотя экстремистские и террористические организации там, где это возможно, используют сотрудничество с наркогруппами в качестве одного из источников финансирования своих нужд, особенно в оружии и боеприпасах, опасность искусственной политизации наркобизнеса и использования борьбы с ним не по назначению, т.е. прежде всего в политических целях, не стоит недооценивать. Склонны использовать борьбу с наркотиками для криминализации политических, идеологических и религиозных оппонентов, в том числе различных организаций исламского толка, велик и для правящих кругов стран Центральной Азии. В условиях, когда основной объем наркотиков поступает в страны Центральной Азии из-за рубежа, привязка оппозиционных исламских групп к наркотрафику, помимо прочего, позволяет представить их исключительно как «внешнюю угрозу», не имеющую внутренней почвы и поддержки. Власти Киргизии, например, склонны в первую очередь увязывать вылазки боевиков на юге страны в 1999–2001 гг. с заинтересованностью наркобизнеса в «сохранении наркоридоров для транзита афганских наркотиков в страны СНГ и Европы», о чем, по их мнению, свидетельствовал, в частности, неоднократный захват боевиками пограничного пункта Карамык на границе с Таджикистаном – перевалочного пункта наркотрафика из Афганистана через Хорог и Джиргаталя в Ош. Однако и до вылазок боевиков на юге

Киргизии граница в районе Карамыка была практически не обустроена, тогда как после баткенских событий 1999 г. власти решили укрепить этот участок, разместив там несколько сотен пограничников⁴⁵. О том, что цели акций боевиков на территории Киргизии не сводятся лишь к обеспечению маршрутов наркотрафика, свидетельствовали и попытки захвата ими объектов совсем иного характера, например телепередатчика в июле 2001 г.⁴⁶

В стремлении возложить основную вину за незаконный оборот наркотиков на радикальную исламскую оппозицию можно увидеть и *экономическую заинтересованность части местных элит* – в силу их собственной интегрированности в теневой сектор экономики и превращения в делового партнера наркобизнеса. В таких условиях кампания по борьбе с наркотиками, помимо прочего, нередко превращается в попытку устранить конкурентов и искусственно увеличить размеры взяток и поборов.

Вместо заключения

Хотя нестабильность и конфликты являются наиболее благоприятной средой для роста производства и незаконного оборота наркотиков, в определенных условиях и на определенной стадии конфликта наркобизнес может сам стать источником нестабильности. Известны примеры того, как наркобизнес наряду с некоторыми социально-экономическими факторами становился даже одной из основных движущих сил конфликта, как под его воздействием менялся характер противостояния, а усиление борьбы между конфликтующими сторонами за контроль над территориями возделывания наркосодержащих культур способствовало общей эскалации насилия. Классическим примером здесь может служить ситуация в Колумбии, где повстанцы не только облагают «революционным налогом» крестьян, выращивающих коку, опийный мак или коноплю, но и распределяют среди них семена наркосодержащих культур, охраняют плантации и урожай, участвуют в транспортировке наркотиков и предоставляют целый ряд других «услуг». Колумбийский пример, однако, значительно отличается от ситуации, сложившейся во второй половине 1990-х гг. в Афганистане, где производство и торговля опиумом носили относительно мирный характер и где оставалась лишь небольшая доля конечной прибыли от производимых наркотиков. Как уже отмечалось, талибы сами не занимались производством или торговлей наркотиками, а облагали их налогом (до введения в 2000 г. запрета на производство

опия), в их распоряжении были и другие, более прибыльные источники налогообложения (контрабандная транзитная торговля), а наркобизнес служил источником дохода и для оппозиционных им сил. В таких условиях попытки представить собиравшиеся талибами налоги с производства опия в качестве чуть ли не ключевого фактора их военных успехов или главного источника финансирования исламского экстремизма и терроризма в регионе и за его пределами не вполне обоснованы.

По этой логике активизация антитеррористических усилий, в том числе в рамках контртеррористической операции США, должна была бы предполагать и усиление борьбы с производством и незаконным оборотом наркотиков. Однако на практике операция США в Афганистане показала, что контртеррористические мероприятия в лучшем случае никак не увязаны со стратегией борьбы с наркотиками. По словам директора Федеральной пограничной службы К.В. Тоцкого, в Афганистане «боевые действия не очень влияют на наркобизнес», который «по-прежнему остается вне политики»⁴⁷: афганские наркоторговцы с успехом пережили американские бомбардировки и спецоперации (объектами которых не становились ни склады наркотиков, ни лаборатории по переработке опия), а урожай опиумного мака 2002 г. имеет все шансы стать одним из самых высоких за десятилетие. Таким образом, вполне предсказуемым, хотя и, как хочется надеяться, временным «побочным ущербом» операции США в Афганистане фактически стало разрушение начавшей формироваться централизованной и относительно эффективной системы мер по борьбе с производством и незаконным оборотом наркотиков.

Этот пример, однако, отнюдь не означает, что антитеррористические мероприятия не могут и не должны внести свой действенный вклад в борьбу с незаконным оборотом наркотиков. Усилия по борьбе с терроризмом не только стимулируют борьбу с отмыванием денег как на международном, так и на национальном уровне, но и напрямую укрепляют режим безопасности, особенно на границах. В свою очередь, меры по ужесточению пограничного режима (предпринятые, например, Казахстаном в рамках антитеррористической кампании после сентября 2001 г.) приводят к повышению эффективности перехвата наркотических средств. ■

¹ Если в 1999 г. на границах России было конфисковано 1 624 кг наркотиков, то в 2001 г. – уже 5 915 кг. С 1999-го

по 2001 г. только поставки героина в Россию возросли в четыре раза; легкие наркотики (имеются в виду прежде всего марихуана и другие наркотики на основе конопли) составили не более 7% от всех наркотиков, изъятых силами Федеральной пограничной службы РФ в 2001 г. (по данным ФПС РФ, объявленным ее директором К.В. Тоцким на пресс-конференции в пресс-центре газеты «Известия» 9 апреля 2002 г.).

² По данным Министерства внутренних дел РФ, 84% гашиша, 60% опиума и 53% марихуаны, изъятых правоохранительными органами России в 1998–1999 гг., поступили из бывших советских республик Центральной Азии (Контроль за наркотиками и предупреждение преступности в Российской Федерации. Организованная преступность и незаконный оборот наркотиков в Центральной Азии. М.: МВД РФ, 2000. С. 13).

³ В 2000 г., например, в Гильменде была собрана половина всего урожая опиумного мака в Афганистане и произведено 39% всего мирового опиума.

⁴ При этом культивирование мака и торговля опиумом в Афганистане традиционно не рассматривались как криминальные действия, хотя собственно потребление наркотиков, больше распространенное, например, среди таджиков и туркмен, чем среди пуштунов, нередко приравнивалось к уголовному преступлению.

⁵ Central Asia: Drugs and Conflict. In: International Crisis Group (ICG) Asia Report. № 25. Osh/Brussels, 26 November 2001. P. 1.

⁶ Drugs Trafficking in the Region. In: Merging Wars: Afghanistan, Drugs and Terrorism. Drugs and Conflict Debate Paper. № 3. November 2001 (далее: Merging Wars).

⁷ Чарс – распространенный в Афганистане наркотик из конопляной смолы, часто с добавлением опиума.

⁸ Afghanistan and Central Asia: Priorities for Reconstruction and Development. In: ICG Asia Report. № 26. Osh/Brussels, 27 November 2001. P. 10.

⁹ Naqvi Z. F. Afghanistan-Pakistan Trade Relations. Islamabad: World Bank, 1999. P. 15–16.

¹⁰ ФАРК – Революционные вооруженные силы Колумбии.

¹¹ Подробнее см.: Chalk Peter. The War on Drugs: Is the USA's Colombia Policy Working? *Jane's Intelligence Review*. 2000. Vol. 12, No. 12, Dec. P. 40–42.

¹² Taliban and Opium Economy. In: Merging Wars.

¹³ International Narcotics Control Strategy Report. Wash., D.C.: US Dep. of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Efforts, March 2002. P. VII-7.

¹⁴ Ibid. P. VII-28.

¹⁵ Доклад Международного комитета ООН по контролю за наркотиками за 2001 г. Нью-Йорк: ООН, 2002. С. 85, п. 471 (далее: Доклад МККН).

¹⁶ Неудивительно, что героин в регионе стал доступнее опия. См. Доклад МККН. С. 81, пп. 443–446.

¹⁷ Там же. С. 85, п. 474.

¹⁸ International Narcotics Control Strategy Report. P. VII-3.

¹⁹ Perl R. F. Taliban and the Drug Trade. Congressional Research Service (CRS) Report for Congress. Wash., D.C., 5 Oct. 2001. P. 2.

²⁰ Global Illicit Drug Trends 2001. N.Y.: UNODCCP, 2001. P. 231.

²¹ Illicit Drugs and Organized Crime: The Impact of Recent Developments in Afghanistan, by Amb. Mohammad Amirkhizi, Senior Policy Advisor to the UN ODCCP Executive Director. In: Summary Report, Bishkek International Conference on Enhancing Security and Stability in Central Asia: Strengthening Comprehensive Efforts to Counter Terrorism. Bishkek, 13/14 December 2001. P. 58.

²² Perl R. F. Op. cit.

²³ См., например, Guggenheim K. Afghanistan's Anti-Drug Efforts Could Be Casualty of Terrorism Fight. *Associated Press*. 2001, 26 Sept.

²⁴ Illicit Drugs and Organized Crime. P. 58.

²⁵ Доклад МККН. С. 81, п. 443.

²⁶ Пресс-конференция директора ФПС РФ К.В. Тоцкого в пресс-центре газеты «Известия» 9 апреля 2002 г. (далее: Пресс-конференция К.В. Тоцкого.)

²⁷ International Narcotics Control Strategy Report. P. VII-5.

²⁸ Olcott Martha B. Drugs, Terrorism, and Regional Security: The Risks from Afghanistan. Testimony before the U. S. Senate Judiciary Committee Subcommittee of Technology, Terrorism and Government Operations. Wash., D.C., 13 March 2002.

²⁹ Ibid. P. VII-26.

³⁰ Подробнее см. Shahzad S. S. US Turns to Drug Baron to Rally Support. *Asia Times*. 2001, 4 Dec.

³¹ Доклад МККН. С. 81, п. 446.

³² International Narcotics Control Strategy Report. P. VII-5.

³³ См. Доклад МККН. С. 85, п. 475; Интервью командующего Московским погранотрядом ФПС РФ полковника А. Костюченко. Цит. по: Parshin Konstantin, Isamova Lidiya. Tajik, Russian Officials Suggest Tajikistan Is Developing into Drug Production Center. *Eurasianet*, 08.07.2001.

³⁴ По оценке Мэтью Кахейна, координатора гуманитарной помощи ООН в Таджикистане. См. Tajikistan: An Uncertain

Peace. In: ICG Asia Report. № 30. Osh/Brussels, 24 December 2001. P. 19.

³⁵ См. Доклад МККН. С. 86, п. 478.

³⁶ Там же. С. 84, п. 467.

³⁷ Пресс-конференция К.В. Тоцкого.

³⁸ *Росбизнесконсалтинг*. 06.03.2002.

³⁹ Tajikistan: An Uncertain Peace. P. 19.

⁴⁰ Central Asia: Drugs and Conflict. P. 19.

⁴¹ Например, о возможном использовании пакистанскими спецслужбами доходов от опиийного бизнеса для финансирования исламских экстремистов в Кашмире и сикхских – в Пенджабе (*Le Monde*. 2001, 21 Oct.).

⁴² Подробнее см.: Незаконная торговля наркотиками в России. Итоговый отчет Ин-та зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка. Фрайбург, октябрь 2000. С. 110.

⁴³ Об этом см. также Olcott M.B. Op. cit.

⁴⁴ Taleban and Opium Economy. In: Merging Wars.

⁴⁵ Подробнее см.: Герасимов М. Религиозный наркотрафик. *Независимая газета*. 1999, 3 ноября.

⁴⁶ Koichiev A. Skirmishes Suggest IMU is Changing Tactics. *Eurasianet*. 08.06.01.

⁴⁷ Пресс-конференция К.В. Тоцкого.

Вышли в свет в июне – июле 2002 года

- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control)*. Vol. 7, № 4. Summer 2002. В номере: Владимир Орлов «"Черные дыры" – отсюда исходит угроза режимам нераспространения»; Василий Лата, Владимир Мальцев «Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности»; Иан Кенион «ПРО: путь к сотрудничеству или к конфликту. Европейская перспектива»; Юрий Федоров «Субстратегические ядерные вооружения: российские интересы безопасности и перспективы контроля»; Надежда Арбатова «Расширение НАТО: как обойти Россию?»; Мортен Бремер Маэрли «Совместное с США укрепление систем безопасности на Военно-Морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры». Цена 1500 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 12. Июнь 2002. В номере: Александр Дмитриев. «Российские олигархи: начнется ли вторая жизнь» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 13. Июль 2002. В номере: Николай Кузьмин. «Власть и Коммунистическая партия Российской Федерации: попытка погрома или преддверие флирта?» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 14. Июль 2002. В номере: Николай Кузьмин. «"Союз правых сил": перед выбором» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 15. Август 2002. В номере: Николай Кузьмин. «Политическая ситуация в России: политические каникулы?» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.

См. также с. 7, 35